

литературе. Решительно отличается веселое изображение проделок «непостоянных жен» и их «любителей» от мрачных инвектив «слов о злых женах» по адресу «телесного угодия», «бесстыдства», «блуда», «любви дьявольской», которые клеймятся позором в этой жизни и влекут за собой «всякую муку» на «дне адовом». В жартах даже не произносится слово «грех», и нет намека на морально религиозную оценку женского поведения. И читатель следит только с интересом за тем, удастся или нет женская проделка. Он не осуждает «проступок» неверной жены, но вместе с автором весело смеется над одураченным мужем или «любителем». А такие настроения идут не от «слов о злых женах», а от городской новеллы Запада. Именно эта литература молодых городских сословий, защищая любовь как здоровое полнокровное чувство, выступала и против изображения ее как условного мистического настроения в рыцарской поэзии, и против осуждения ее как греховного «плотского угодия» в христианской средневековой дидактике. Русская литература XVIII в., вместе с бытом освобождавшаяся после петровской реформы от постоянного контроля церкви, отражает перелом в отношении к любовной теме.

В жартах любовь, хотя бы и вне брака, не «дьявольское наваждение», а здоровое, веселое, может быть даже и легкомысленное чувство, во всяком случае естественное. Потому-то и достается так много насмешек в жартах «старому мужу» молодой жены. И если в повести о Савве Грудцыне оболешение юноши Саввы женою старого купца Бажена еще напоминает читателю библейскую историю жены Пентефрия и Иосифа Прекрасного, то веселое заигрывание «купцовой жены» с приказчиком ничуть на эту историю не похоже, хоть приказчик поначалу тоже отвечает ей «с сердцем» (сердито), затем, напуганный приходом мужа, «от того страха велика не отверзает пред ней и языка» и не собирается отвечать на ее ухаживания.

Мораль этого и других жарт утверждает, что не узы брака, а одна любовь делает женщину «постоянной», что насилем и побоями ей нельзя внушить обязанность соблюдать супружескую верность. Это новая мораль, ничего общего не имеющая с дидактикой «слов о злых женах»; в ней слышен голос раскрепощающейся женщины, смело заявляющей свои права.

Историк литературы вправе поставить вопрос: почему около середины XVIII в. так ощутителен был интерес к теме женских проделок, направленных к тому, чтобы хоть хитростью вырваться на свободу, ослабить власть семьи — родителей и мужа, сковывающую личную жизнь женщины? Ведь не случайно авторы жарт так много внимания уделили этому разделу.

Еще в XVII в. назревает глухой протест против деспотизма в семейной жизни, отрицающего за девушкой и женщиной право свободного выбора мужа; тесно и душно становится женщине,